

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

Анархизм

Статья из Британской Энциклопедии

Пётр Кропоткин

Пётр Кропоткин

Анархизм

Статья из Британской Энциклопедии

1905

11-ое издание Британской Энциклопедии. Перевод на

русский - Дело Труда

Перевод с англ. Григория Максимова

ru.anarchistlibraries.net

1905

Оглавление

Анархизм	6
Историческое развитие Анархизма	11
Анархизм в Международном Товариществе Рабочих	20

идей в современную литературу и их влияние, а с другой, какие свободнические идеи лучших современных писателей воздействовали на развитие анархизма. Для того, чтобы дать представление как анархизм тесно связан со всем умственным движением нашего времени, должно быть принято во внимание десять больших томов литературных приложений к газете «ля Револт» и позднее к «Тан Нуво» и которые содержат перепечатки работ сотен современных авторов. «Свобода» Дж. С. Милля. «Личность против государства» Спенсера, «Нравственность без долга и санкции» Марка Гюйо, «Мораль, искусство и религия» Фулье, работы Мульгатули (Е. Дувес Деккер), «Искусство и религия» Рихарда Вагнера, работы Ницше, Эмерсона, В. Ллойда Гаррисона, Торо, Александра Герцена, Эдварда Карпентера и т. д.; а в области изящной литературы – драмы Ибсена, поэзия Уата Уитмана, «Война и Мир» Толстого, «Париж» и «Труд» Золя, последние произведения Мережковского⁵ и бесконечное число работ менее известных авторов – полны идей, которые показывают как тесно анархизм переплетен с работой, которая происходит в современной мысли в том же самом направлении освобождения человека как от уз государства, так и от уз капитализма.

От редакции Дело Труда. Эта ученая статья Кропоткина была написана им в 1905 году для 11-го издания «Британской Энциклопедии». На русском языке она появляется впервые. Статья эта заслуживает широкого распространения, потому мы решили сохранить набор и издать отдельной дешевой, 5-ти сантовой брошюрой – это будет вторая брошюра Библиотеки «Дела Труда». Брошюра выйдет гораздо раньше окончания ее печатания в журнале, если товарищи заранее пришлют деньги за нужное им количество брошюр. Товарищи, усилим издание дешевой агитационной и пропагандистской анархистской литературой! Поддержим и укрепим Библиотеку «Дела Труда».

⁵ Не теперешнего Мережковского, а Мережковского дореволюционного. Ред.

Анархизм

мышленного труда в соединении с умственным трудом². В целях выяснения главных факторов человеческой эволюции, он анализировал роль, которую играли народные конструктивные агенты взаимной помощи³ и историческую роль государства⁴.

Не называя себя анархистом, Лев Толстой, как и его предшественники в народных религиозных движениях XV-го и XVI-го столетий – Чожеки, Денк и многие др., занял анархическую позицию в отношении к государству и правам частной собственности, выводя свои заключения из общего духа учения Христа и из необходимости, диктуемой разумом. Со всей силой своего таланта (особенно в «Царство Божие внутри нас») он одновременно критиковал церковь, государство и закон, особенно современные законы о собственности.

Он описывал государство как господство злых, поддерживаемое грубой силой. Разбойники, говорит он, гораздо менее опасны, чем хорошо организованное правительство. Он проникновенно критиковал предвзятости, которые ныне в ходу, относительно пользы, приносимой людям церковью, государством и существующим распределением собственности и из учения Христа выводит правило непротивления и полное осуждение всех войн. Его религиозные доводы так хорошо скомбинированы с доводами, позаимствованными из беспристрастного наблюдения над современным злом, что анархические части его трудов одинаково трогали как религиозных, так и нерелигиозных читателей.

Здесь, в кратком наброске, было бы невозможно представить, с одной стороны, проникновение анархических

² См. «Поля, фабрики и мастерские»

³ См. «Взаимная помощь как фактор эволюции».

⁴ См. «Государство и его роль в истории».

Одним из анархо-коммунистических направлений является направление, в котором автор данных строк в течение многих лет старался развить следующие идеи; показать тесную, логическую связь, которая существует между современной философией естественных наук и анархизмом; поставить анархизм на научную основу, путем изучения тенденций, проявляющихся в современном обществе и указать их дальнейшее развитие; выработать основы анархической этики. Что касается основы самого анархизма, то цель Кропоткина – доказать, что коммунизм – по меньшей мере частично – имеет больше шансов на осуществление, чем колLECTИВИЗМ, особенно в коммунах, взявших на себя, и при том свободно, почин, или что анархический коммунизм есть единственная форма коммунизма, которая имеет какой-нибудь шанс быть принятой цивилизованными обществами; коммунизм и анархия, следовательно, два термина эволюции, которые дополняют друг друга, один делает другой возможным и приемлемым. Более того, он пытается показать как в течении революционного периода большой город если его население восприняло идею – мог бы организоваться в направлении свободного коммунизма¹; город гарантирует каждому жителю жилище, пищу и одежду, некоторый комфорт, доступный ныне только среднему классу, в обмен на полдневную или пятичасовую работу; и как все те вещи, которые рассматриваются как роскошь, могли бы быть доступны каждому, если он во вторую половину дня объединится со всякого рода ассоциациями, ставящими всевозможные цели – образовательные, научные, артистические спортивные и т. д. В целях доказательства первого из этих утверждений, он анализировал возможности земледельческого и про-

АНАРХИЗМ (от греч. «ан» и «архи» противоположно власти) имя, данное принципу или теории жизни и поведения, по которому общество мыслится без правительства, – гармония в таком обществе достигается не подчинением закону или повиновением власти, а свободными соглашениями, заключаемыми между различными группами: территориальными и профессиональными, свободно возникающими как в целях производства и потребления, так и для удовлетворения бесчисленного разнообразия потребностей и стремлений цивилизованного существа.

В обществе, развивающимся по этим линиям, добровольные ассоциации, которые уже теперь начинают покрывать все сферы человеческой деятельности, примут еще большее распространение, так как они заменят собой государство со всеми его функциями. Они будут представлять переплетающуюся сеть бесконечного разнообразия групп и федераций всех размеров и степеней: местных областных, национальных и интернациональных – временных или более или менее постоянных – для всевозможных целей: производства, потребления, обмена, сообщений, санитарного дела, образования, взаимного покровительства, защиты территории и т. д.; с другой стороны, для удовлетворения постоянно возрастающих научных, артистических, литературных и социальных потребностей.

Такое общество, кроме того, не будет представлять ничего неизменного, наоборот, как это замечается в органической жизни вообще – гармония (это доказано) будет результатом постоянно изменяющейся установки и перестановки равновесия между множеством сил и влияний, а эта установка будет легче достижима, так как ни одна из сил не будет довольствоваться специальным покровительством государства.

Установлено, что, если бы общество было организовано на этих принципах, человек не был бы ограничен в свобод-

¹ Об этом подробнее в книге «Хлеб и Воля».

ном выявлении своих способностей в творческой работе капиталистической монополией, поддерживаемой государством; не был бы ограничен в выявлении своей воли страхом наказания или подчинением личностям или метафизическим сущностям, которые ведут к подавлению инициативы и порабощению ума. Он руководился бы в своих поступках своим собственным пониманием, которое по необходимости несло бы на себе отпечаток свободного действия и противодействия между им самим и этическими понятиями его окружений. Таким образом человек был бы способен достигнуть полного развития всех своих способностей: умственных, художественных и нравственных, не будучи скованным изнурительной работой на монополистов или раболепством и инерцией ума большинства. Он мог бы, таким образом, достигнуть полной **индивидуализации**, которая невозможна ни при существующей системе **индивидуализма**, ни при системе государственного социализма в так называемом Volkstaat'е (народном государстве).

Анархические писатели, кроме того, считают, что их взглядение не утопия, построенная, в соответствии с некоторыми желаниями, взятыми в качестве предпосылок, на априорном методе. Оно, продолжают они, выведено из **анализа тенденций**, которые уже в действии, несмотря на то что государственный социализм временно может быть в милости у реформаторов. Прогресс современной техники, удивительным образом упрощающий производство всего необходимого в жизни, растущий дух независимости, быстрое распространение свободной инициативы и свободного понимания во всех отраслях деятельности включая и те, которые раньше считались неотъемлемой принадлежностью церкви и государства постоянно усиливают неправительственные тенденции.

(по мнению автора данных строк) путь для восстановления всех функций государства. Его критика современного государства очень глубока, и его защита прав личности очень сильна. Что касается экономических взглядов, то Таккер следует Прудону.

Индивидуалистический анархизм американских прудонистов, однако, находит мало симпатий в рабочей массе. Те, кто проповедует его – главным образом «интеллектуалы» – скоро поняли, что **индивидуализация**, которую они так высоко прославляют, не достижима в порядке индивидуальных усилий и они оставляют анархические ряды, или ударяются в либеральный индивидуализм классических экономистов, или успокаиваются на некоторого sorta эпикурейском аморализме, или же на сверх-человеческой теории, подобной теориям Штирнера и Ницше. Огромная масса анархистов рабочих предпочитает анархо-коммунистические идеи, которые постепенно выросли из анархического колlettivизма Международного Товарищества Рабочих.

К этому направлению принадлежат – назову только более известных представителей анархизма – Элизе Реклю, Жан Грав, Себастьян Фор, Эмиль Пуже – во Франции; Эррико Малатеста и Ковелли – в Италии; Р. Мелла, А. Лоренцо и большинство неизвестных авторов превосходных манифестов в Испании; Иоган Мост среди немцев; Шпис, Парсонс и их последователи в Соединенных Штатах и т. д. Домела Ньювенгус же занимает в Голландии промежуточную позицию. Главные анархические газеты, которые издавались с 1880 г., также принадлежат к этому направлению; в тоже время много анархистов этого направления примкнули, к так называемому, синдикалистскому движению, – французское название не-политического рабочего движения, посвятившего себя прямой борьбе с капитализмом, которое позднее стало таким выдающимся в Европе.

последователей в Соединенных Штатах, и чуть не создали школу, главными писателями которой являются Стефан Пирл Андрюс, Вильям Грин, Лисандр Спунер (последний начал писать в 1850 г. и его незаконченное произведение: «Естественный Закон» было много обещающим) и многие другие, имена которых можно найти в «Библиографии Анархии» д-ра Неттлау.

Выдающееся положение среди анархистов индивидуалистов занимал Бенджамин Р. Таккер, журнал которого «Свобода», начал издаваться в 1881 г.; концепция Таккера есть комбинация идей Прудона и Герберта Спенсера.

Начав с утверждения, что, строго говоря, анархисты – эгоисты и что всякая группа личностей, будь то тайная лига из нескольких человек или Конгресс Соединенных Штатов, имеет право угнетать все человечество, если имеет на это достаточно силы, что равная свобода для всех и абсолютное равенство должны быть законом, и «каждый пусть знает свое дело» – единственный нравственный закон анархизма; Таккер пытается доказать, что осуществление этих принципов было бы в общем благодетельно и не представляло бы опасности, потому что силы каждого индивидуума были бы ограничены практикой равных прав для всех. Дальше, следуя Г. Спенсеру, он указывает на разницу, существующую между узурпацией чьихлибо прав и сопротивлением такой узурпации, между господством и защитой: первые одинаково подлежат осуждению – будет ли это узурпация уголовного преступника над индивидуумом, или узурпация одного над всеми, или всех над одним; сопротивление же узурпации подлежит защите и оно необходимо, потому что самозащита гражданина и группы имеет право на всякое насилие, вплоть до смертной казни. Насилие оправдывается также в целях усиления обязанности придерживаться договора. Так Таккер следует Спенсеру и, подобно ему, под видом «защиты» расчищает

Что касается их экономических воззрений, то анархисты, в согласии со всеми социалистами, левое крыло которых они составляют, утверждают, что господствующая ныне система частной собственности на землю и наше капиталистическое производство для прибылей представляют монополию, направленную против принципов справедливости и требования полезности. Они являются главным препятствием, мешающим как тому, чтобы успехи современной техники были приведены на службу для всех, так и тому, чтобы создать всеобщее благополучие. Анархисты считают систему заработной платы и капиталистическое производство препятствием прогрессу, но они также указывают, что государство было и продолжает быть главным инструментом, позволяющим немногим монополизировать землю, а капиталистам присваивать совершенно несоразмерную часть из года в год накапляемого излишка производства. Следовательно, анархисты, борясь одновременно с современной монополизацией земли и капитализмом, с той же самой энергией борются и с государством, как главной опорой этой системы: не с той или иной специальной формой его, но с государством как таковым, – будет ли то монархия или даже республика, управляемая посредством референдума.

Государственная организация, будучи всегда, как в древней, так и в новой истории, (Македонская империя, Римская империя, новые европейские государства выросли на руинах автономных городов), инструментом установления монополий в пользу правящего меньшинства, не может быть использована на разрушение этих монополий. Анархисты считают, поэтому, что передача государству всех основных источников экономической жизни – земли, рудников, железных дорог, банков, страхования и т. д. – а также управления всеми основными отраслями промышленности, в дополнении к функциям, которые уже

сосредоточены в его руках (образование, государством поддерживаемые религии, защита территории и пр.) означала бы создание нового инструмента тирании. Государственный капитализм только увеличит силы бюрократии и капитализма. Истинный прогресс лежит в направлении децентрализации: как **территориальной**, так и **функциональной**, в развитии духа местной и личной инициативы и вместо современной иерархии от центра к периферии, в свободной федерации от простого к сложному

В согласии с большинством социалистов, анархисты признают, что, подобно всей эволюции в природе, медленная эволюция общества сопровождается, время от времени, периодами ускоренной эволюции, которые называются революциями; и они думают, что эра революций еще не закончена. Периоды быстрых изменений сопровождаются периодами медленной эволюции и эти периоды должны быть использованы не для увеличения и расширения сил государства, но для сокращения их путем организации в каждом городе или общине местных групп производителей и потребителей, а также областных и действительно интернациональных федераций этих групп.

В силу вышеуказанных принципов, анархисты отказываются быть частью современной государственной организации и поддерживать ее путем вливания в нее свежей крови. Они не стремятся к построению, и приглашают рабочих не строить, политических партий в парламентах. В соответствии с этим они, с момента основания Международного Товарищества Рабочих, в 1864-1866 гг., старались проводить свои идеи непосредственно среди рабочих организаций и побуждать эти союзы к прямой борьбе против капитала, не возлагая надежд на парламентское законодательство.

Юрская, Испанская и Итальянская федерации и секции Международного Товарищества Рабочих, как французская, германская и американские анархические группы, были в последующие годы главными центрами анархической мысли и пропаганды. Они воздерживались от всякого участия в парламентской политике и всегда находились в тесном контакте с рабочими организациями. Однако во второй половине 80-х и в начале 90-х годов XIX столетия, когда началось чувствовать влияние анархистов в забастовках, в первомайских демонстрациях, где они проводили идею всеобщей стачки за 8-ми часовой рабочий день, и их антиимпериалистическая пропаганда в армии, их начали сильно преследовать, особенно в латинских странах (дело дошло до применения пыток, как, например, в Барселонском Замке) и в Соединенных Штатах (казнь пяти чикагских анархистов в 1887 г.) На эти преследования анархисты ответили актами насилия, которые вызвали еще больше казней сверху и новые акты мести снизу. Это создало в широкой публике впечатление, что насилие есть основа анархизма, точка зрения отвергаемая его приверженцами, которые утверждают, что в действительности это насилие есть то насилие, к которому прибегают все партии пропорционально преследованию их открытой деятельности и исключительным законам, ставящим их вне закона.

Анархизм продолжал **развиваться** частично в направлении прудоновского «мютюэлизма», но главным образом как коммунистический анархизм, к которому, как третье направление, Лев Толстой добавил христианский анархизм, и четвертое направление, которое можно назвать литературным анархизмом, началось среди некоторых выдающихся современных писателей.

Идеи Прудона, касающиеся взаимных банков, совпадая с идеями Джосайи Уоррена, нашли значительное число

навязывали, преобладало и, в конце концов, за ними и осталось.

Бакунин скоро стал вдохновителем этих латинских федераций в деле развития принципов анархизма, которые он развил во многих произведениях, брошюрах и письмах. Он требовал полного уничтожения государства, которое – он писал – есть продукт религии, принадлежит к низшей стадии цивилизации, представляет отрицание свободы и портит даже то, что предпринимает в интересах общего благополучия. Государство было исторически необходимым злом, но его полное исчезновение, рано или поздно, будет равно необходимо. Отрицая всякое законодательство, даже исходящее из всеобщего голосования, Бакунин требовал для каждой нации, для каждой области и коммуны полной автономии, поскольку это не угрожает соседям, полной независимости личности, добавляя, что таковая станет действительно свободной только тогда, когда свободны все остальные и когда ее свобода пропорциональна свободе всех. Свободные федерации коммун составят свободные нации.

Что касается его экономических концепций, то он сам называет себя, вместе со своими товарищами федералистами из Интернационала, «коллективистами-анархистами», – не в смысле Видаля и Пеккера 40-х годов или их современных социал-демократических последователей, а в смысле такого состояния вещей, при котором все необходимое для производства находится в общем владении рабочих групп и свободных коммун, тогда как способ вознаграждения труда, коммунистический или иной, будет определен каждой группой для само себя. Социальная революция, близкое пришествие которой тогда предсказывалось всеми социалистами, должна быть средством осуществления в жизни новых условий.

Историческое развитие Анархизма

Только что обрисованные концепция общества и тенденция, являющаяся его динамическим выражением, всегда существовали в человечестве в противоположность господствующей иерархической концепции и тенденции – в разные периоды истории брали верх то одна, то другая из них. Первой тенденции мы обязаны развитием самими массами таких институтов, – клан, деревенская община, гильдия, свободный средневековый город – при помощи которых массы сопротивлялись узурпации завоевателей и домогавшимся власти меньшинствам. Также самая тенденция с большой силой утвердилась в великих религиозных движениях средневековья, особенно в ранних реформаторских движениях и в их предвестниках. Хотя эта тенденция, благодаря своему не ученному, а народному происхождению, явно встречала менее симпатий среди ученых, чем тенденция ей противоположная, тем не менее она в тоже самое время, начиная со времен Лao-Цзы, определенно находит свое выражение в писаниях некоторых мыслителей.

Проф. Адлер указал в своей «Geachichte des Socialismus und Kommunismus», что уже Аристип (род. около 430 л. до Р. Х.), один из основателей школы Киринаиков, учил, что мудрые не должны отдавать свою свободу государству и в ответ на вопрос Сократа сказал, что он не желает принадлежать ни к управляющему, ни к управляемому классу. Однако такое отношение было, кажется, продиктовано чисто эпикурейским отношением к жизни масс.

Наилучшим представителем анархической философии в древней Греции был Зенон (342-267 или 270 до Р. Х.) с Крита, основатель стоической философии; он определенно противопоставлял свою концепцию свободной общины без правительства государству – Утопии Платона. Он отвергал всемогущество государства, его вмешательство и регламентацию и провозглашал независимость нравствен-

Как известно, за подавлением восстания парижских рабочих в июне 1848 г. и за падением республики, последовал общий упадок пропаганды социализма всех направлений. В течении всего реакционного периода, который продолжался целых 20 лет, у всей социалистической прессы был зажат рот. Тем не менее анархическая мысль начала несколько прогressировать, а именно, в произведениях Беллегарика (Coeurderoy) и особенно в произведениях Жозефа Дежака (Les Lazareennes, L'Humanisphere, – анархокоммунистическая утопия, открытая позднее и переизданная). Социалистическое движение оживилось только после 1864 г., когда некоторые французские рабочие, все «мютоэлисты», с английскими последователями Роберта Оуэна основали на митинге в Лондоне Международное Товарищество Рабочих. Это общество очень быстро развилось и приняло политику прямой экономической борьбы с капитализмом, не вмешиваясь в политическую парламентскую агитацию, этой тактики оно следовало до 1871 года однако, после франко-пруссской войны когда, после восстания Коммуны, Международное Товарищество было запрещено во Франции, немецкие рабочие, получившие право голоса в выборах в только что учрежденный имперский парламент, настаивали на изменении тактики Интернационала и стали строить социал-демократическую партию. Это скоро привело к расколу Международного Товарищества Рабочих и Латинская Федерация – Испания, Италия, Бельгия и Юра (Франция не могла быть представлена) организовали из себя федеративный союз, который совершенно порвал с марксистским Главным Советом Интернационала. Внутри этих федераций развилось то, что может быть названо **современным анархизмом**.

За именем «федералисты» и «антиавторитарии», употреблявшимися некоторое время этими федерациями, имя «анархисты», которое их противники настойчиво им

Анархизм в Международном Товариществе Рабочих

ного закона индивидуума – уже тогда подметив, что покуда присущий человеку инстинкт самосохранения ведет к эгоизму, природа имеет к нему корректив, наделив человека другим инстинктом – инстинктом общественности. Когда люди станут достаточно благоразумными и станут следовать своим природным инстинктам, тогда они объединятся через границы и создадут космос. Они не будут нуждаться в судах и полиции, не будут иметь храмов и общественной религии и не будут пользоваться деньгами – добровольные дары займут место обмена. К несчастью, писания Зенона не дошли до нас и известны нам только по отрывочным цитатам. Однако тот факт, что сам стиль изложения сходен с современным стилем, показывает, как глубоко заложена в человеческой природе та тенденция, глашатаем которой он был.

В средние века мы находим такой же взгляд на государство у знаменитого епископа Альбы, у Марко Джироламо Вида, в его первом диалоге «De dignitate Republicae» (Ferd. Covalli в Men dell' Instituto Vento, XIII; Dr. E. Nys, Researches in the History of Economics).

Но те же самые идеи можно найти сильно выраженным главным образом в различных ранних христианских движениях, начиная с девятого столетия в Армении и в проповедях ранних гусситов, в частности у Чожеки, и у ранних анабаптистов, особенно у Ганса Денка (cf. Keller, Ein Apostel Wiedertaufser) – конечно, в них специально подчеркивается моральный аспект.

Раблэ и Фенелон в своих утопиях также высказали подобные идеи и, как можно заключить из отдельных выражений, случайно встречаемых в писаниях Руссо, в **предисловии** Дидро к «Путешествию» Бугенвиля и т. д., эти идеи были ходячими среди французских энциклопедистов XVIII-го столетия. Однако, благодаря строгой цензуре

римско-католической церкви, такие идеи, по всем вероятностям, не могли быть тогда развиты.

Эти идеи нашли свое выражение позднее, во время Великой Французской Революции. В то время как якобинцы делали все, что было в их силах, чтобы все централизовать в руках правительства, народные массы, как теперь выясняется из недавно опубликованных документов, выполняли замечательную конструктивную работу в своих муниципалитетах и «секциях». Они присвоили себе право избирать судей, право на организацию снабжения и обмундирования армии, а также и больших городов, работы для безработных, управление благотворительностью и т. д. Они даже пытались, помимо Национального Собрания, при помощи особого Совета установить прямое сношение с 36,000 коммун Франции, (cf. Sigismund Lacroix, *Actes de la Commune de Paris*).

Годвин был первый, который в своей «Enquiry Concerning Political Justice» (2 Vols, 1793), формулировал политическую и экономическую концепцию анархизма, хотя он и не дал этого имени идеям, развитым в его замечательном труде. Законы, писал он, не продукт мудрости наших предков: они продукт их страстей, их трусости, их зависти и честолюбия. Лекарство, предлагаемое ими, хуже, чем зло, которое они претендуют излечить. Если бы, и только если бы, были уничтожены все законы и суды, и решения в возникающих тяжбах возлагались бы на разумных людей, избираемых для этой цели, подлинная справедливость распространилась бы постепенно. Что касается государства, то Годвин откровенно требовал его уничтожения. Общество, писал он, превосходно может существовать без всякого правительства, только бы общины были небольшими и совершенно автономными. Говоря о собственности, он утверждал, что права каждого «на все средства жизни, могущие доставить

mass «прекрасными аристократами». Развитие индивидуума при этих условиях оставалось бы односторонним. Вот почему это направление мысли, несмотря на его несомненную верность и полезную защиту полного развития каждой индивидуальности, находит аудиторию только в ограниченных артистических и литературных кругах.

С другой стороны, также в Германии, индивидуалистический анархизм нашел свое полное выражение в Максе Штирнере (Каспар Шмидт), замечательный труд которого («Единственный и его достояние» и статьи, печатавшиеся в «Рейнской Газете») оставался почти не замеченным до тех пор, пока Джон Генри Маккей не дал ему известности.

Проф. В. Баш в очень талантливом введении к своей интересной книге – «Индивидуалист анархист: Макс Штирнер» (1904) показал, как развитие немецкой философии от Канта к Гегелю, и «абсолют» Шелинга и дух Гегеля, неизбежно вызвали, когда начался анти-гегельянский бунт, проповедь того же самого «абсолюта» в лагере бунтовщиков. Это было сделано Штирнером, защищавшим не только полный бунт против государства и рабства, которые авторитарный коммунизм навязывал людям, но также и полное освобождение индивидуума от всех социальных и моральных уз – восстановление «Я», супрематию индивидуума, полный «а-морализм» и «ассоциацию эгоистов». Конечный вывод этого вида индивидуалистического анархизма указан проф. Башем: индивидуалистический «анархизм утверждает, что цель всех высших цивилизаций заключается не в том, чтобы дать возможность всем членам общины развиваться нормальным путем, а в том, чтобы дать возможность, даже ценой счастья и самим существованием масс человечества, «полного развития» некоторым лучше одаренным индивидуумам. Это, таким образом, возврат к самому грубому индивидуализму, защищаемому, так называемыми, высшими меньшинствами, которым, в действительности, человек именно обязан в своей истории государством и остальным, против чего эти индивидуалисты сражаются. Их индивидуализм заходит так далеко, что кончается отрицанием их собственного исходного пункта, – не говоря уже о невозможности для индивида получить действительно полное развитие в условиях угнетения

пользу человеческому существу», должны регулироваться одной справедливостью: средства жизни должен получать « тот, кто в них наиболее нуждается ». Его выводом был коммунизм. Однако Годвин не имел мужества держаться своих убеждений. Позднее он совершенно переделал главу о собственности и смягчил свои коммунистические воззрения во втором издании Political Justice (8 vo., 1796).

Прудон первый употребил в 1840 («Что такое собственность?» Первый мемуар) имя анархия в приложении к неправительственному состоянию общества. Имя «анархисты» часто давалось жирондистами во время французской революции тем революционерам, которые считали, что с ниспровержением Людовика XVI революция не была закончена, и настаивали на принятии ряда экономических мер (уничтожение феодальных прав без вознаграждения, возврат деревенским общинам общинных земель, начиная с 1669 г., ограничение земельной собственности 120 акрами, прогрессивный подоходный налог, национальная организация обмена на основе себестоимости, которая получила практическую реализацию и т. д.).

Теперь же Прудон защищал общество без правительства и пользовался для его определения словом анархия. Как известно, Прудон отвергал как все схемы коммунизма, согласно которым человечество было бы загнано в монастыри или в казармы, так и все схемы государства или государственного социализма, защищавшихся Луи Бланом и коллективистами. Когда он в своем первом мемуаре о собственности провозгласил, что «собственность – это кража», он имел в виду собственность в ее настоящем, римское право, чувство «права употребления и злоупотребления». С другой стороны, в правах собственности, понимаемой в ограниченном смысле владения, он видел наилучшую защиту от захватнических поползновений государства. В тоже время он не хотел насильтвенной экспроприации

современных собственников земли, жилых домов, фабрик и т. д. Он предполагал добиться того же самого результата, поставив капитал в такие условия, при которых он не мог бы давать дохода.

Он надеялся достичь этого посредством национального банка, основанного на взаимном доверии всех тех, кто вовлечен в производство и согласился бы производить между собой обмен своими продуктами по себестоимости при помощи рабочих чеков, представляющих часы труда, необходимые на производство каждого данного товара. При такой системе, которую Прудон называет «Мютюэлизмом», весь обмен услугами был бы строго эквивалентен. Кроме того, такой банк мог бы одолживать деньги без процентов, взимая только около 1%, или даже меньше, на покрытие стоимости администрации. Тогда каждый мог бы занимать деньги, которые потребовались бы на покупку дома, и никто не согласился бы платить за его пользование больше годовой ренты. Всеобщая «социальная ликвидация» тогда была бы легко проведена без экспроприации. Тоже самое применяется к шахтам, железным дорогам, фабрикам и т. д.

В обществе такого типа государство было бы бесполезно. Главные отношения граждан основывались бы на свободном договоре и регулировались бы простым счетоводством. Споры могли бы улаживаться третейским судом. Проникновенная критика государства и всех возможных форм правительства и глубокое знание всех экономических проблем были всем известной характеристикой трудов Прудона.

Следует отметить, что французский мютюэлизм имел в Англии своего предтечу в лице Уильяма Томсона, который, прежде чем стать коммунистом, начал с мютюэлизма, и в его последователях – Джоне Грее (*A lecture on Human Happiness*, 1825: *The Social System*, 1831) и Дж. Ф.

Брэе (*Labour's Wrongs and Labour's Remedy*, 1839). Он также имел своего предтечу в Америке в лице Джосайя Уоррена, родившегося в 1798 г. (cf. W. Bailie, *Josiah Warren, The First American Anarchist*, Boston, 1900) и принадлежавшего к «Новой Гармонии» Оуэна; он считал, что неудача этого предприятия произошла главным образом благодаря подавлению индивидуальности, недостатку инициативы и ответственности. Эти недостатки, учил он, свойственны всякой схеме, базирующейся на власти и общности имущества. Он защищал, поэтому, полную индивидуальную свободу. В 1827 г. он открыл в Цинциннати небольшую деревенскую лавочку, «Лавку Равенства», которую народ назвал «лавкой времени», потому что она была основана на труде и производила обмен продуктов всех сортов на основе «час за час». «Стоимость – предел цены» и, соответственно этому, – «без барыша» было девизом его лавки, а в последствии и его «Деревни Равенства», около Нью-Йорка, просуществовавшей до 1865 г. Достоин упоминания также «Дом Равенства» г-на Кейта в Бостоне, основанный в 1855 г.

В то время как экономические идеи Прудона, особенно идея банков взаимности, нашли последователей и даже практическое приложение в Соединенных Штатах, его политическая концепция анархии нашла слабый отклик во Франции, где преобладали христианский социализм Ламенэ и фурьеристы, государственный социализм Луи Бланна и последователи Сен-Симона. Однако эти идеи нашли временную поддержку среди левого крыла гегельянцев в Германии: Моисей Гесс в 1843 г. и Карл Грюн в 1845 г. защищали анархизм.

Кроме того авторитарный коммунизм Вильгельма Вейтлинга встретил оппозицию среди швейцарских рабочих, выражителем которой в 40-х годах был Вильгельм Марр.